

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

УДК 81`27

А. А. Григорян

<https://orcid.org/0000-0002-8435-0168>

В. Н. Четверикова

<https://orcid.org/0000-0002-9303-4829>

**Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей
на разных уровнях языковой системы**

Для цитирования: Григорян А. А., Четверикова В. Н. Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей на разных уровнях языковой системы // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 146–150. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-146-150

Статья посвящена рассмотрению отражения гендерной специфики в языке. Рассматривая вопросы, связанные с выявлением этой специфики на разных уровнях языковой системы (фонетическом, лексическом и грамматическом), авторы концентрируют свое внимание на следующих моментах, представляющихся интересными и дискуссионными. На уровне фонетическом затрагивается вопрос о так называемом “uptalk”. Авторы, ссылаясь на работы англоязычных лингвистов, приводят рассуждения, учет которых свидетельствует против однозначной и прямолинейной трактовки рассматриваемого явления. На уровне лексической системы языка затрагивается вопрос о существующей в языках тенденции к пейоризации значения слов относящихся к женщинам (образованию пейоративов) и, наоборот, к сохранению или даже улучшению значения слов, которые относятся к мужчинам. В этой связи авторами рассматриваются пары слов, которые изначально можно считать равнозначными. Наконец, значительное внимание в статье уделено уровню грамматическому, как наименее изученному. Особое внимание уделяется вопросу связи гендера и глагольной транзитивности, как грамматического явления, а также гендерным особенностям использования конструкций страдательного залога.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, восходящая интонация, пейоризация, транзитивность, носитель действия, реципиент, уровни языковой системы.

Languages of foreign countries (germanic languages)

A. A. Grigoryan, V. N. Chetverikova

Gender aspects of children's speech behavior at different levels of the language system

The article is devoted to various (phonetic, lexical and grammatical) aspects of gender-language interplay. At all the levels analyzed, the authors focus on the problems which, in spite of all the attention previously received, remain debatable and open to different interpretations. At the level of phonetics, the authors draw attention to the phenomenon of the uptalk. This widespread linguistic phenomenon is – according to a traditional approach supported by a number of scholars – supposed to be an evidence of powerless and deficient women talk. However, there exist counter arguments proving that the situation is far from being that straightforward. At the lexical level, the authors focus on the pairs of the so-called parallel/seemingly equal terms denoting men and women. Having analyzed some of such pairs the authors reach the following conclusion: most of the words denoting women tend to undergo – with the course of time – the process of pejoration, whereas the words denoting men tend to develop in the opposite direction. A special attention is devoted to the level of grammar as the one where gender-language interplay is the least studied. Verbal transitivity – among other grammatical phenomena – is paid special attention to as it seems to be a salient factor in gender-language relations. Another grammatical point of interest in the article is the way gender may be intentionally or otherwise reflected in certain passive voice constructions.

Key words: gender linguistics, uptalk, pejoration, transitivity, agent, recipient, language system levels.

Введение

Гендерную идентификацию / самоидентифи-

кацию человека, безусловно, можно и нужно отнести к важным параметрам языковой личности. Не будучи – по мнению значительного большин-

ства как отечественных, так и зарубежных исследователей – собственно лингвистическим феноменом, суть этой категории в значительной мере может быть раскрыта через анализ структур языка [Кирилина, 2004, с. 9].

Одной из особенностей гендера является его так называемый ‘omnipresent’ характер. Эта «вездесущность» гендера, какие-то его особенности проявляются уже в раннем детстве. Известно, что мальчики и девочки воспитываются по-разному буквально с самого рождения. Родители по-разному одевают их, что проявляется даже в выборе цвета вещей, покупают им разные игрушки, поощряют развитие в них определенных интересов и т. д. По-разному происходит и их социализация, начиная с самого раннего возраста. Разделение по половому признаку ощущается во всех областях жизни: в сфере труда, повседневного этикета, властных отношениях разного уровня и т. п.

Подобное положение вещей фиксируется и культурой, в целом, и языком, в частности, который, с одной стороны отражает существующий порядок вещей, а с другой – «заставляет» считать подобный статус-кво нормой, чем-то правильным, к которому нужно стремиться. Ученые сходятся во мнении: пол человека в какой-то мере отражается как в том, как говорят люди, так и в том, как о них говорят. В данной статье авторы пытаются проследить за тем, как гендерные особенности проявляются на разных уровнях языковой системы.

Результаты исследования

Лексический уровень системы любого языка принято считать наиболее подвижным, склонным к динамике компонентом всей системы языка. Неудивительно, что тема взаимодействия гендера и лексики привлекала внимание лингвистов (R. Lakoff, D. Spender, A. В. Кирилина, А. А. Григорян и др.) с самого зарождения гендерных исследований. При этом многие вопросы изучения взаимодействия различных уровней системы языка и гендера остаются недостаточно изученными. Это в меньшей степени относится к таким уровням как лексический и фонетический, которые в силу самой природы этих уровней языка, большей динамичности, склонности к изменениям под воздействием самых различных факторов, привлекали внимание ученых. В частности, такой исследователь как Дейл Спендер в своей книге «Man Made Language» еще в 1980 году утверждала – об этом красноречиво свидетельствует само название ее книги – что английский язык создан мужчинами и для мужчин, для того,

чтобы представлять и поддерживать патриархатную точку зрения [Spender, 1980, p. 38]. Действительно, например, слово *effeminate* в трактовке Oxford Russian Dictionary, строго говоря, означает всего лишь «похожий на женщину, женоподобный» [ORD, 2000, p. 763]. Трудно, однако, вообразить себе контекст, в котором это слово ассоциировалось бы с чем-то положительным [Григорян, 2004, с. 134]. Заметим, что в языке и культуре многих народов можно наблюдать тенденцию к пейоризации слов, обозначающих женщин. Этот тренд невозможно не заметить, особенно если принять во внимание тот факт, что слова, служащие для обозначения мужчин с течением времени, как правило, сохраняют свое значение. Более того, иногда можно говорить о тенденции к мелиоративности соответствующих слов. В этом смысле особенно показательными могут быть пары слов, обозначающих женщину и мужчину. Такие пары изначально были в языке равнозначными, часто параллельными терминами, служащими для обозначения мужчин и женщин, у которых был более или менее одинаковый статус. Проиллюстрируем это на примере слов *master* и *mistress*. По данным Concise Oxford English Dictionary слово *mistress*, наряду с основным значением «a woman in a position of authority or control», приобрело еще и такое «a woman (other than a wife) having a sexual relationship with a married man» [COED, 2002, p. 912]. Слово *master*, по данным того же словаря, не претерпело пейоративных изменений: «a man who has people working for him...» [COED, 2002, p. 877]. Более того, у слова *master* – в отличие от слова *mistress* – довольно много слов-дериватов: *masterdom*, *masterhood*, *masterless*, *mastership*. Кроме того, довольно показательным является и тот факт, что слово *master* в современном английском языке очень широко используется как глагол со значением «acquire complete knowledge or skill» и как имя прилагательное со значением «having or showing great skill or proficiency» [Ibid]. Возможно, еще более ярким примером может служить такая пара слов как *king/queen*. Именно у женского компонента этой пары с течением времени развились значения, которые трудно рассматривать как положительные. Так, наряду с безусловно сохранившимся основным значением «the female ruler of an independent state...», появляется и следующее: «a flamboyantly effeminate male homosexual» [COED, 2002, p. 1172]. Заметим также, что в язык устойчиво вошло выражение «queen it», одно из значений

которого согласно Оксфордскому словарю следующее: «(of a woman) act in unpleasantly superior way» [Ibid]. Справедливости ради отметим, что словарь фиксирует и «параллельное» мужское выражение «king it» с аналогичным «queen it» значением [COED, 2002, p. 780]. Однако никаких иных отрицательных значений у слова king не зафиксировано.

В паре *spinster* и *bachelor* оба слова служат для обозначения не связанных узами брака взрослых людей. Однако, именно у женского члена пары существуют отрицательные коннотации. Представляется, что англоязычный мир склонен трактовать слово «*bachelor*» как «a person who chose not to marry», в то время как «*spinster*», скорее, воспринимается как «a person who failed to marry». Слово *spinster* означает не просто человека, не вступившего в брак, а человека, который уже и не может этого сделать, и поэтому отвергаемого и нежеланного. Ситуацию не спасает появление – в основном, в американском варианте английского языка – слова *bachelorette*. Во-первых, потому что слово *bachelorette* воспринимается как производное от *bachelor*, а во-вторых, это производное образовано при помощи уменьшительного суффикса *-ette* (сравните: *kitchen* – *kitchenette* – «кухонька»).

В результате проведенного анализа выделим три тенденции в развитии значений слов, связанных с обозначением женщины. Во-первых, эти слова с течением времени обрастают большим (по сравнению со словами, обозначающими мужчин) количеством пейоративных значений. Во-вторых, в изначально равнозначных парах слова, обозначающие мужчин, либо сохраняют свое значение, либо проявляют склонность к мелиоративности. В-третьих, слова, которые ранее функционировали как родовые (напр. слово *girl*) или были нейтральными (напр. слово *professional*) приобретают большее количество негативных коннотаций, будучи обращенными исключительно к женщине.

Исследования мужской и женской речи на уровне фонетики обнаруживают наличие некоторых особенностей (например: тембр, высота голоса). Заметим, что это едва ли можно считать характерным для фонетической стороны речи мальчиков и девочек. Явные различия в этом аспекте можно наблюдать ближе к подростковому возрасту. В данной статье коснемся такого интересного явления в интонологии английского языка как «uptalk». В частности, Робин Лакофф утверждала, что вопросительная интонация не-

которых предложений, которые, по большому счету, вопросами не являются, – это один из компонентов стиля, который можно охарактеризовать как женский, «слабый» и «безвластный» [Lakoff, 1975, p. 34]. Вопросительная интонация, о которой говорила Р. Лакофф, характеризуется высоким восходящим тоном в конце предложения. Эта «неподобающая вопросительная интонация» (*inappropriate question intonation*) благодаря средствам массовой информации получила короткое название «uptalk». Примером подобного «uptalk» является следующий микродиалог из книги Р. Лакофф: «Husband: When will dinner be ready? – Wife: Oh... Six o'clock?»

Профессор Лакофф трактует высокий восходящий тон в реплике жены как свидетельство неуверенности в себе, неуверенности в «правильности» указанного времени. Заметим, однако, что труд Робин Лакофф много раз подвергался критике из-за отсутствия в ее работе солидной эмпирической базы. Сама профессор Лакофф, собственно, никогда и не скрывала, что ее книга – результат интроспекции и окказиональных наблюдений за речью женщин, которые принадлежат к группе людей, относящихся к так называемым WASP (*white Anglo-Saxon protestant*) Критики нередко упрекали Р. Лакофф в ее «*armchair research*» и отмечали, что, в частности, восходящая интонация в ответе жены, может быть вызвана и совершенно иными причинами. [McConnell-Ginet, 1975, p. 51; Mills, 2003, p. 26; Holmes, 2008, p. 87]. Вполне возможно, что реплика жены направлена на выяснение самых различных моментов: причин интереса мужа к точному времени обеда, наличия у него каких-либо иных планов (например, поужинать где-нибудь в ресторане, а не дома), причин его невнимательности (она уже упоминала о приблизительном времени обеда) и т. д. Более того, восходящая интонация может просто сигнализировать о ее открытости и готовности к продолжению диалога. Профессор Мак-Коннелл-Гинэ в другой своей работе подмечает интересную деталь: если бы реплика жены, действительно, выражала неуверенность, то, скорее, можно было бы ожидать использования разделительного вопроса, а не высокого восходящего тона [McConnell-Ginet, 1983, p. 384]. Например, *it'll be ready at six o'clock, won't it* было бы уместно, если бы приготовлением ужина в тот вечер занимались дети. В этом случае использование разделительного вопроса было бы мягким напоминанием мужу, что время готовности ужина уже упоминалось.

Приблизительно также обстоит дело с ответом на вопрос о месте рождения: использование высокого восходящего тона вполне уместно (особенно в случаях предполагаемого незнания собеседником точного месторасположения города, например, Corsicana, Texas) в то время как использование разделительного вопроса можно объяснить только очень почтенным возрастом или болезнью человека. Иными словами, можно сделать осторожный вывод о том, что uptalk не обязательно свидетельствует о слабости и неуверенности женщины в конкретном акте коммуникации. В более широком смысле, критика здесь связана с тем, что у определенных проявлений языка могут быть разные причины и разные функции. Первая, нередко поверхностная трактовка, может быть не обязательно правильной.

Вопрос гендерных отличий речевого поведения женщин и мужчин находит свое яркое отражение и на уровне грамматики, но этот вопрос остаётся менее изученным по сравнению с уровнями лексики и фонетики. На некоторых из таких отличий, имеющих синтаксический характер, хотелось бы остановиться подробнее.

Думается, что суждение о том, что практически в любых типах текстов (детские исключения не являются) большинство носителей действия (agents/doers) представлено мужчинами разного возраста не является преувеличением. Женщинам, как правило, отводится (если отводится) роль объектов на которые направлено действие [Macaulay, Brice 1997, p.804]. Действительно, обычно именно 'Джон' принимает решение, бьет по мячу, целует 'Джейн' и т. д. [Rawels, 1998, p. 14; Григорян, 2021, с. 8].

В английском языке, так же, как и во многих других, существует тип пассивных конструкций, который принято называть безличными (agentless passive construction). Использование таких конструкций вполне уместно в тех случаях, когда носитель действия неизвестен, или это представляется неважным по каким-либо причинам. Например, предложение – this house was built many years ago (этот дом был построен много лет назад) – звучит абсолютно адекватно, если для говорящего важно, что этот дом довольно старый. Исследователь Джулия Пенелоп замечает, однако, что такие «безагентивные» конструкции часто используются в целях отвлечения внимания от реального субъекта действия [Penelope, 1990, p. 91]. Это нередко применяется для затуманивания фактов притеснения женщин в самых различных сферах жизни. Например, часто

встречающееся в средствах массовой информации – she was raped (она была изнасилована) – совершенно ничего не говорит том, кто именно совершил данное действие. Нередко подобные статьи и телепередачи далее концентрируют внимание на определенных деталях одежды женщины. В итоге внимание аудитории нередко полностью переключается на пострадавшего человека, в то время, как истинный виновник остаётся в тени [Cameron, 1999, p. 94].

Согласно данным, полученным психолингвистами, людям свойственно интерпретировать определенные типы глаголов в соответствии с различными моделями причинной связи [Crawford, 1995, p. 44]. Например, в предложении с глаголом like (и вообще с глаголами, обозначающими эмоциональное состояние) – Jim likes Paul – именно Пол – дополнение предложения – является причиной того, что Джим хорошо к нему относится. С глаголами, принадлежащими к группе слов, обозначающих межличностные отношения (например, to compliment), людям свойственно усматривать причинную связь в подлежащем предложения. Так, в предложении – Jane compliments Alice – именно Джейн считается причиной высказывания комплиментов по отношению к Алисе. Эксперимент, направленный на исследование влияния гендерного фактора в предложениях с глаголами различных типов, выявил, что в предложениях с дополнением, выраженным словом, обозначающим женщину, – Jim likes Helen – существует тенденция усматривать причинную связь в подлежащем, несмотря на тип глагола. Эта тенденция к преуменьшению роли и значимости женщины особенно заметна в предложениях с подлежащим, выраженным словом, обозначающим женщину, и дополнением, выраженным словом, обозначающим мужчину: Helen compliments Jim. Мужчина, даже в роли дополнения предложения, оказывается в фокусе внимания. Когда женщина предпринимает какие-либо действия или испытывает какие-то чувства, люди считают, что все это вызвано мужчиной [Ford, 2002, p. 37; Sunderland. 2011, p. 64]. Возникает своеобразный эффект исчезновения субъекта, носителя действия. Как отмечала еще в 1928 году Вирджиния Вульф: «Anonymous was a woman» [Woolf 1966].

Заключение

Таким образом, гендер, за которым закрепилась мысль о его вездесущем – omnipresent – характере, может одновременно быть и «плаваю-

щим» (по А. В. Кирилиной), и даже «ускользающим» фактором. Думается, что изучение именно таких случаев может представлять особый интерес для лингвистов.

Библиографический список

1. Григорян А. А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XX – начале XXI веков. Иваново, 2005. 372 с.
2. Григорян А. А. Объективация женщины как один из видов сексизма // Вестник ИвГУ, серия «Гуманитарные науки». Вып. 2. Иваново, 2021. С. 5–10.
3. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. Москва, 2004. 252 с.
4. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Москва, 2000.
5. Cameron D. Verbal Hygiene. London and New York, 1999. 264 p.
6. Concise Oxford English Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2002. 1708 p.
7. Crawford M. Talking Difference: On Gender and Language. Gender and Psychology: Feminist and Critical Perspectives. London, 1995. 207 p.
8. Ford C. E. Grammar in Interaction. Cambridge, 2002. 248 p.
9. Holmes J. Women, Men and Politeness. London and New York, 2008. 198 p.
10. Lakoff R. Language and Woman's Place. Oxford, 2004. 102 p.
11. Macaulay M., Brice C. Don't Touch My Projectile: Gender Bias and Stereotyping in Syntactic Examples // Language. 1997. № 73. P. 798–825.
12. McConnell-Ginet S. Our Father Tongue: Essays in Linguistic Politics // Diacritics, 1975, №5. P. 44–56.
13. McConnell-Ginet S. Review Article // Language, 1983, №59. P. 373–391.
14. Mills S. Gender and Politeness. Cambridge, 2007. 270 p.
15. Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2000. 1293 p.
16. Pauwels A. Women Changing Language. London and New York, 1998. 267 p.
17. Penelope J. Speaking Freely: Unlearning the Lies of the Father's Tongues. N.Y., 1990. 282 p.
18. Spender D. Man Made Language. London, 1980. 234 p.
19. Sunderland J. Language, Gender and Children's. London, 2011. 259 p.
20. Woolf V. Collected Essays. Vol. II. London, 1966. 340 p.

Reference list

1. Grigorjan A. A. Sostojanie i perspektivy gendernoj lingvistiki na Zapade v konce HH – nachale HHI vekov = The state and prospects of gender linguistics in the West in the late XXth and early XXIst centuries. Ivanovo, 2005. 372 s.
2. Grigorjan A. A. Ob#ektivacija zhenshhiny kak odin iz vidov seksizma = Objectification of women as a type of sexism // Vestnik IvGU, serija «Gumanitarnye nauki». Vyp. 2. Ivanovo, 2021. S. 5–10.
3. Kirilina A. V. Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikacii = Gender studies in linguistics and communication theory. Moskva, 2004. 252 s.
4. Kirilina A. V. Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii = Gender aspects of language and communication. Moskva, 2000.
5. Cameron D. Verbal Hygiene. London and New York, 1999. 264 p.
6. Concise Oxford English Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2002. 1708 p.
7. Crawford M. Talking Difference: On Gender and Language. Gender and Psychology: Feminist and Critical Perspectives. London, 1995. 207 p.
8. Ford C. E. Grammar in Interaction. Cambridge, 2002. 248 p.
9. Holmes J. Women, Men and Politeness. London and New York, 2008. 198 p.
10. Lakoff R. Language and Woman's Place. Oxford, 2004. 102 p.
11. Macaulay M., Brice C. Don't Touch My Projectile: Gender Bias and Stereotyping in Syntactic Examples // Language. 1997. № 73. P. 798–825.
12. McConnell-Ginet S. Our Father Tongue: Essays in Linguistic Politics // Diacritics, 1975, №5. P. 44–56.
13. McConnell-Ginet S. Review Article // Language, 1983, №59. P. 373–391.
14. Mills S. Gender and Politeness. Cambridge, 2007. 270 p.
15. Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2000. 1293 p.
16. Pauwels A. Women Changing Language. London and New York, 1998. 267 p.
17. Penelope J. Speaking Freely: Unlearning the Lies of the Father's Tongues. N.Y., 1990. 282 p.
18. Spender D. Man Made Language. London, 1980. 234 p.
19. Sunderland J. Language, Gender and Children's. London, 2011. 259 p.
20. Woolf V. Collected Essays. Vol. II. London, 1966. 340 p.